
Ноябрьский кризис польско-советского мирного урегулирования 1920 г.

Геннадий Матвеев, Карина Колихова

The November crisis of the Polish-Soviet peace settlement of 1920

Gennady Matveev, Karina Kolikhova

(both – Lomonosov Moscow State University, Russia)

DOI: 10.31857/S0869568722050132, EDN: KLQRMM

Со времени окончания советско-польской войны 1919–1920 г. прошло более века. Однако наше знание о ней всё ещё далеко от полноты. В частности интерес вызывает такой её этап, как введение в действие подписанного в Риге 12 октября 1920 г. договора о перемирии и прелиминарных условиях мира. Обычно занимающиеся историей этой войны авторы просто разбирают основные положения этих документов и констатируют, что стороны ратифицировали соглашение в условленный восьмидневный срок, что позволило в ноябре того же года приступить к полноценным мирным переговорам. Однако ставшие доступными в последние годы документы российских и польских архивов показывают, что картина событий далеко не безоблачна. Переговоры дважды оказывались под угрозой срыва, причиной чего стали как внутри-, так и внешнеполитические интриги и манёвры сторон.

Прелиминарии определили линию будущей государственной границы, основные положения будущего мирного договора, сроки ратификации соглашения о перемирии и отказа от него. Обращала на себя внимание ст. II, которая гласила, что отношения между Польшей и советскими республиками будут основываться на принципе невмешательства во внутренние дела друг друга. Согласно ей, в мирный трактат включалось обязательство «не создавать и не поддерживать организаций, ставящих целью вооружённую борьбу с другой договаривающейся стороной, имеющих целью ниспровержение государственного или общественного строя другой стороны, покушающихся на государственную целостность её, равно как и организаций, присваивающих себе роль правительства другой стороны». Стороны также обязывались «с момента ратификации настоящего договора... не поддерживать чужих военных действий против другой стороны»¹. Учитывая пребывание в Польше союзных ей армий С.В. Петлюры, генерала Б.С. Пермикина², генерал-майора С.Н. Булак-Балаховича и других более мелких вооружённых формирований, эта статья имела для советских республик важнейшее значение. Польше же такая опасность не грозила. Польские полки РККА расформировали ещё в 1919 г., а попытки организации белостокским Польским революционным комитетом польской Красной армии быстро сошли на нет.

© 2022 г. Г.Ф. Матвеев, К.И. Колихова

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект № 20-59-18007, и Национального научного фонда Болгарии.

¹ Документы и материалы по истории советско-польских отношений (далее – ДМИСПО). Т. III. Апрель 1920 – март 1921 г. М., 1965. С. 428–433.

² В источниках и литературе встречается и другое написание его фамилии: Перемыкин.

Значение статьи для двусторонних отношений хорошо понимали польские политики. Премьер-министр В. Витос, выступая 14 октября в сейме, выделил именно эти два аспекта: «Ст. 2 договора гарантирует отказ обеих сторон от всякого вмешательства во внутренние дела другой стороны. Наша лояльность в этом отношении не может вызывать сомнений. Мы рассчитываем на безусловное соблюдение этого обязательства другой стороной как одну из гарантий прочного мира»³.

Договор о прелиминарных условиях мира дополнялся договором о перемирии, который установил, что военные действия прекратятся в полночь 18 октября. Перемирие заключалось на 21 день, но стороны могли отказаться от него с предупреждением за 48 часов до момента истечения срока действия. Договор утрачивал силу, если стороны в установленный срок не обменяются ратификационными грамотами. После ратификации договора перемирие сохранялось до ратификации окончательного мирного трактата. В этот период также предусматривалась возможность выхода из перемирия с предупреждением за 14 дней до этого момента.

После 18 октября советские войска следовало отвести не менее чем на 15 км «от зафиксированного к моменту прекращения военных действий польского фронта» (§ 2), за исключением участка от Несвижа до Западной Двины (§ 4). Управление нейтральной зоной осуществляла страна, которой эта территория должна принадлежать по прелиминарному договору (§ 2). После ратификации перемирия нейтральная зона увеличивалась вдвое. На этот раз уже обе стороны отводили свои войска на 15 км от линии будущей государственной границы (§ 6). В нейтральной зоне запрещалось нахождение вооружённых сил, за исключением отрядов польской армии на участке от Несвижа до Двины⁴. Решение о создании зоны, оправданное с военной точки зрения (исключались провокации и случайные, неспровоцированные боестолкновения), таило опасность её использования союзными Польше силами в качестве плацдармов против УССР и БССР. Эту опасность повышало то обстоятельство, что § 6 устанавливал скорость отвода польских войск, но не определял точного срока начала этого отвода.

Вначале у сторон договора отсутствовала уверенность, что контрагент действительно хочет мира, а не взял передышку на зимнее время (чрезвычайно холодная осень показала, что ни польское, ни советское интендантства не в состоянии надлежащим образом экипировать свои армии) и возобновит военные действия весной. Так, весьма пессимистически оценил прочность соглашения главнокомандующий РККА С.С. Каменев: «Условия, на которых заключается перемирие и прелиминарный мир с Польшей, не дают никакой уверенности в их прочности, и потому необходимо быть в полной готовности к возобновлению борьбы»⁵. С ним соглашался член Реввоенсовета Западного фронта И.С. Уншлихт, который в телеграмме в ЦК РКП(б) от 13 октября рекомендовал, «пользуясь перемирием, до максимума усилить работу разложения польской армии»⁶.

³ Sprawozdanie stenograficzne z 171 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 14 października 1920 г. Л. 4.

⁴ ДМИСПО. Т. III. С. 434–436.

⁵ РГАСПИ, ф. 2, оп. 1, д. 15737, л. 1–2 об.

⁶ Польско-советская война. 1919–1920 (Ранее не опубликованные документы и материалы) / Ред. И.И. Костюшко. Ч. 2. М., 1994. С. 89.

Сомнения испытывали и поляки, в первую очередь Ю. Пилсудский и его сторонники. Для маршала конференция в Риге стала чуть ли не личным поражением. Она доказала, что это по его вине Польша оказалась в августе на грани гибели, хотя ещё весной имелся шанс получить выгодные границы. Именно об этом 7 октября говорил в сейме видный деятель Национально-демократической партии (НДП) С. Гломбиньский: «Наша партия всегда была за мир, мы требовали мира ещё весной, накануне киевского похода. Мы убеждены, что тогда мир был бы заключён, если бы этому не помешали те, кто обязательно хотел, пользуясь этим случаем, завоевать свободу для других народов»⁷. Настороженное и по-прежнему враждебное отношение к советским республикам со стороны «пилсудчиков» демонстрирует подписанная министром иностранных дел кн. Е. Сапегой инструкция польским дипломатическим представительствам от 10 октября об основных направлениях «восточной политики» после перемирия, п. 1 которой гласил: «Несмотря на то что подписаны прелиминарные условия мира, мы не имеем никаких оснований полагаться на добрую волю противника; его уступчивость мы воспринимаем как плод наших побед и свидетельство его внутренней слабости. Поэтому нам следует и впредь поддерживать элементы, враждебные Советской России, как русские, так и украинские, белорусские, кавказские, стремясь к установлению любых контактов, направленных против грозящей нам оттуда опасности»⁸.

«Газета Варшавска», выражавшая позицию НДП, с лета последовательно добивавшейся окончания военных действий на востоке, также призывала не слишком полагаться на договор: «Если вообще всякие мирные трактаты являются клочком бумаги, то трактат с большевиками имеет ещё меньше шансов на прочность, чем какой-либо другой, и мы хорошо знаем, что нам придётся помнить всю зиму о возможности весенней кампании»⁹. Не совсем удовлетворяли прелиминарии и влиятельную социалистическую партию (ППС), с лета всё отчётливее склонявшуюся к миру. Так, 24 сентября один из её лидеров И. Дашиньский при обсуждении в сейме выступления Витоса выразил искреннюю радость в связи с твёрдым намерением обеих сторон заключить мир, а также уверенность в том, что ни в России, ни в Польше нет силы, готовой нарушить мирный трактат и возобновить войну. Но при этом он не скрывал, что «результаты мира нас совсем не устраивают»: не удалось реализовать федералистскую концепцию обустройства территории Восточной Европы, без чего невозможна прочная безопасность страны¹⁰.

Рефрен о неполном соответствии договорённостей в Риге, особенно о границе, польским стремлениям и исторической справедливости звучал в выступлениях в сейме представителей всех политических партий в период с 7 по 14 октября. Особенно сильными подобные настроения оказались у уроженцев восточных краин. Так, видный общественный деятель Э. Войниллович за-

⁷ Sprawozdanie stenograficzne z 170 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 7 października 1920 r. Ł. 16.

⁸ ДМИСПО. Т. III. С. 426.

⁹ Цит. по: *Ольшанский П. Н.* Рижский мир. Из истории борьбы Советского правительства за установление мирных отношений с Польшей (конец 1918 — март 1921 г.). М., 1969. С. 154.

¹⁰ Sprawozdanie stenograficzne z 171 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 8 października 1920 r. Ł. 19.

писал в дневнике 13 октября: «Это не что иное, как новый, четвёртый, раздел Польши, предложенный самой же Польшей»¹¹.

Советские сомнения относительно прочности перемирия подпитывали и такие события, как захват поляками в ночь с 15 на 16 октября Минска, который, согласно прелиминариям, оставался за РСФСР. Правда, поляки быстро оставили город, не дав конфликту разгореться. Но ещё более тревожным сигналом оказался захват 1-й литовско-белорусской дивизией по негласному приказу Пилсудского 9 октября Вильно. Командиру дивизии генералу Л. Желиговскому пришлось сымитировать бунт, чтобы Варшаву не обвинили в нарушении постановления Верховного совета Антанты от 10 июля о принадлежности Вильно Литве¹². Показательна публичная трактовка этой акции Витосом в сейме. Он сначала заявил о понимании «огорчения офицеров и солдат, которым после двух лет тяжёлых боёв, которые они вели ради завоевания свободы для своего родного края, запретили доступ в свой родной Вильно», затем пожурил их за отказ подчиняться военному командованию страны и даже пообещал «проведение строгого расследования». Фактически же осуждению подверглась не суть акции, а форма, в которой её осуществили. Поэтому нельзя назвать случайным заявление, что правительство всегда считало Виленщину составной частью Польши и что польские войска не допустят нападения на Среднюю Литву с востока. Иными словами, он практически открыто предостерег советскую сторону от попытки вмешаться в конфликт на стороне Литвы¹³.

С одной стороны, захват Вильно создавал для Москвы трудности во взаимоотношениях с Литвой, перечёркивая одну из ключевых статей советско-литовского мирного договора от 12 июля, по которой РСФСР как правопреемница Российской империи передавала Литве права на Вильно¹⁴. С другой же стороны, этот конфликт оказывался на руку Москве, возводя между Литвой и Польшей непреодолимое препятствие. Если до 9 октября польско-литовский конфликт существовал как потенциальный и сохранялась возможность его урегулирования политико-дипломатическим путём (примером служит польско-литовский договор от 7 октября о разграничении в районе Сувалок), то после акции Желиговского он приобрёл реальный характер (что подтвердил и польский премьер). Что касается Москвы, то она, согласившись зафиксировать в договоре от 12 октября, что территориальный спор между Польшей и Литвой является исключительно их делом, но не денонсировав мирный договор с Ковно от 12 июля, сохранила за собой роль союзника Литвы против Польши. В Кремле опасались лишь перспективы интернационализации конфликта и введения в спорную область войск Антанты¹⁵. И, конечно, виленский инцидент показал Москве, что в Польше всё ещё сильна военная партия, способная в любой момент нарушить договорённости и даже обязательства перед всемогущей Антантой.

Таким образом, шестидневный срок, отпущенный на введение в действие договора о перемирии, и в Советской России, и в Польше оказался наполнен тревогами и сомнениями относительно того, будет ли война действительно

¹¹ *Войнилович Э.* Воспоминания. Минск, 2007. С. 334.

¹² ДМИСПО. Т. III. С. 149.

¹³ *Sprawozdanie stenograficzne z 172 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 7 października 1920 r.* Ł. 5.

¹⁴ *Павлова М.С.* Литва в политике Варшавы и Москвы в 1918–1926 годах. М., 2016. С. 35–36.

¹⁵ Там же. С. 69.

остановлена. Но политическое руководство обеих сторон приложило все усилия, чтобы боевые действия прекратились точно в обозначенный день. 17 октября полевой штаб Реввоенсовета РСФСР отправил командованию Западного и Юго-Западного фронтов телеграмму с подтверждением приказа главнокомандующего Вооружёнными силами о прекращении боевых действий на польском фронте¹⁶. В заявлении польского генштаба сообщалось, что «18 октября 1920 года в 12 часов на всём фронте произошла приостановка боевых действий»¹⁷. Тогда же газета «Известия» напечатала полный текст прелиминарного мирного договора¹⁸.

Прекращение боёв стало лишь первым шагом на пути к работе над окончательным текстом мирного договора. Согласно ст. XVII прелиминарного договора, он подлежал обязательной ратификации. Местом обмена ратификационными грамотами определили г. Либава (Лиепая) в Латвии. Сама процедура ратификации договора должна была состояться не позже 15 дней с момента его подписания (т.е. до 27 октября), на обмен грамотами и составление протокола отводилось не более шести дней по истечении срока, предусмотренного для ратификации. Именно момент обмена грамотами и определялся как завершение этого процесса. В общей сложности на всю процедуру юридического оформления перемирия отводился 21 день, её конечной датой намечалось 2 ноября. Если бы этот срок одна из сторон по каким-либо причинам не соблюла, то договор потерял бы обязательную силу и по истечении 48 часов, т.е. 5 ноября, боевые действия могли возобновиться¹⁹.

Стороны договора продемонстрировали ответственное отношение. Нарком иностранных дел Г.В. Чичерин ещё 8 октября спрашивал у главы советской делегации А.А. Иоффе, достаточно ли будет для ратификации договора утверждения со стороны СНК, так как «почти невозможно» созвать ВЦИК. На следующий день Иоффе по прямому проводу из Риги ответил, что, поскольку поляки собираются ратифицировать договор сеймом, «придётся у нас всё же созвать сессию»²⁰. 14 октября Политбюро ЦК РКП(б) постановило поручить комиссии в составе Чичерина, П.И. Стучки и А.С. Енукидзе «тщательно изучить вопрос с юридической точки зрения о том, вполне ли достаточно ратифицировать польский мир через СНК и Президиум ВЦИК». На следующий день было принято решение о созыве 23–25 октября сессии ВЦИК²¹. 20 октября Наркоминдел отправил в ЦК запрос о необходимости обеспечить кворум на заседании в связи с тем, что «всё происходящее в Москве становится быстро известным иностранным правительствам», поэтому нельзя допустить низкой явки²².

Украинский ЦИК ратифицировал договор 20 октября²³. Через два дня состоялись второе и, по предложению ряда партий, третье чтение договора в сей-

¹⁶ РГВА, ф. 6, оп. 4, д. 486, л. 163.

¹⁷ *Dąbski J. Pokój Ryski. Wspomnienia. Pertraktacje. Tajne układy z Joffem. Listy.* Warszawa, 1931. S. 126.

¹⁸ Известия. 1920. 17, 18 октября.

¹⁹ ДМИСПО. Т. III. С. 433.

²⁰ Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. / Под общ. ред. М.М. Наринского, А.В. Мальгина. Т. 1. М., 2017. С. 246, 248.

²¹ Польско-советская война... Ч. 2. С. 93, 94.

²² РГАСПИ, ф. 17, оп. 86, д. 208, л. 11.

²³ Польско-советская война... Ч. 2. С. 99. Однако отправка украинской ратификационной грамоты в Москву затянулась на неделю по техническим причинам. Во-первых, три бланка ратификационной грамоты курьер привёз из Москвы в Харьков только в 18:00 26 октября. Но отпра-

ме. Договор от правительства представил Витос, а от имени сеймовой комиссии по иностранным делам — депутат С. Фальковский. В обсуждении участвовали представители девяти партий. Все выступавшие отметили, что прелиминарный договор — результат не польского диктата, а добровольного соглашения сторон, что гарантирует его прочность. Вместе с тем ораторы от ППС, Национальной рабочей партии и Национально-христианского рабочего клуба выразили недовольство, что мирная делегация по вине представителя Народно-национального союза С. Грабского не добилась передачи Польше Минска, в результате чего вне её границ осталось много поляков. А Черневский (НХРК) даже посчитал, что «при утверждении этих прелиминариев... нужно сказать, что сейм и весь польский народ будут о них помнить и работать над тем, чтобы они могли вернуться к общей с нами жизни»²⁴. Но этот откровенно ревизионистский призыв последующие ораторы не подхватили. 22 октября сейм единогласно принял решение о ратификации и уполномочил Начальника государства Пилсудского от имени Второй Речи Посполитой подписать договор. Сапега проинформировал об этом Чичерина, а также председателя Совнаркома и по совместительству главу НКВД УССР Х.Г. Раковского, подчеркнув: «Я искренне верю, что для государств, достигших соглашения, начинается период мира и благоприятного развития, и что наши страны смогут посвятить себя работе по восстановлению экономики на благо всего человечества»²⁵.

23 октября состоялось заседание 11-й чрезвычайной сессии ВЦИК. Речь Чичерина на ней²⁶ продемонстрировала взгляд советского правительства на суть заключённого соглашения. Нарком заявил, что рассматриваемый документ «является целиком осуществлением программы постановления ВЦИК 23 сентября». Он также озвучил основную причину конфликта, как её понимало руководство РСФСР: война — следствие «честолюбивого плана империализма», выражавшегося в «программе создания фиктивных, якобы самостоятельных правительств, прикрывающих собой польское господство на Украине и в Белоруссии». Таким образом, основная цель, преследуемая советским руководством, заключалась в том, чтобы добиться отказа Польши от создания системы буферных государств в обмен на территориальные уступки. И этой цели удалось достичь: по итогам договора Польша признавала существование, независимость и суверенитет советских Украины и Белоруссии. Тот факт, что договор заключался не только с РСФСР, но и с УССР, вынуждал Польшу «взять назад свои нетерпимые отношения», что соответствовало интересам и устремлениям советского руководства в данном регионе.

Западные же части Белоруссии и Украины Чичерин назвал той самой «территориальной ценой», которую пришлось заплатить. «Компромисс этот представляется для нас жертвой, потому что мы не можем не подумать о страданиях тех белорусских и украинских масс, которые подпадут под власть польской шляхты и польских капиталистов. Но на эти жертвы, по нашему мнению, мы должны идти, потому что в противном случае предстоит продолжение войны

вить её подписанный текст обратно в тот же день не получилось из-за отсутствия государственной печати, которую должны были изготовить и доставить в ВУЦИК вечером 26 октября (АВП РФ, ф. 04, оп. 32, п. 209, д. 66, л. 26).

²⁴ Sprawozdanie stenograficzne z 177 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 22 października 1920 r. Ł. 17, 18, 22.

²⁵ *Dąbski J.* Op. cit. S. 126.

²⁶ Польско-советская война... Ч. 2. С. 99–104.

на долгое время, зимняя кампания, дальнейшие жертвы для всей России, для всей Украины, для трудящихся масс российского и украинского народа».

Не менее существенным представлялось и обязательство Польши не вмешиваться во внутренние дела советских республик и отказаться от поддержки военных сил и организаций, направленных против их правительств и государственного строя. Это было особенно важно в условиях активности антисоветских группировок, поддерживавшихся польским и французским правительствами. Тем не менее Чичерин сомневался, что поляки будут соблюдать данное условие: «Нам предстоит в ближайшем будущем увидеть, как сложатся обстоятельства на этом петлюровском фронте, но во всяком случае со своей стороны Польша обязана не терпеть на своей территории петлюровских войск и не оказывать им никакой поддержки». Это условие являлось одним из самых значимых для советской стороны. Сомнения в действительном намерении поляков прекратить поддержку антисоветских формирований высказывал и член коллегии НКВД К.Б. Радек. Он сослался на члена польской делегации в Риге Л. Василевского, заявившего в одном из интервью: «Мы подписали прелиминарный мир, мы его будем ратифицировать, а Петлюра, Балахович и Савинков будут воевать». Радек упомянул и захват Вильно Желиговским, ясно обозначившим намерение «защищать буферную политику Пилсудского». Всё это создавало атмосферу недоверия и подозрительности: «Только ценой тяжёлых уступок мы получаем кусок бумаги, о котором мы не знаем, будет ли он завтра иметь значение»²⁷.

На момент открытия сессии советское руководство ещё не знало о ратификации договора сеймом. Вследствие этого Чичерин выражал обеспокоенность из-за отсутствия ясности в «отношении к вопросу о мире большинства польских политических партий», в среде которых сохраняло сильные позиции движение за продолжение войны и за союз с П.Н. Врангелем. Вызывало серьёзные опасения недовольство Франции заключением Польшей мира. «Но мы рассчитываем, — заявил нарком, — что движение польских масс будет достаточно сильное, чтобы преодолеть давление Франции». Он перечислил также и другие положения договора, урегулирование которых откладывалось до мирных переговоров. Это экономические и финансовые вопросы, претензии Польши на часть золотого фонда России. Председатель Витебского губисполкома И.М. Варейкис отметил недопустимую расплывчатость формулировки о возмещении убытков времён разделов Речи Посполитой: «Надо указать, с какого именно времени, а то, быть может, в течение 200 лет мы должны будем ввозить обратно то, что оттуда вывезено, этого мы ни в коем случае не можем сделать». Он выразил опасение, что это «не что иное, как прикрытие контрибуции». Чичерин в ответ заметил, что речь идёт лишь о культурных ценностях: «Это, может быть, будет большой потерей для нашей публичной библиотеки и для Эрмитажа, но для нашей народной жизни в целом это не является большим ударом». Он напомнил, что «прелиминарный договор устанавливает лишь основные принципы, окончательное установление которых предстоит в окончательном договоре и всех дополнительных соглашениях, которые сопровождают всякий мирный договор»²⁸.

В целом участники прений согласились с необходимостью ратификации соглашения, но требовали, чтобы делегация на переговорах в Риге твёрже от-

²⁷ Там же. С. 105–106.

²⁸ Там же. С. 108–109.

стаивала советскую позицию и не позволила, чтобы мирный договор носил грабительский характер. В ходе голосования решение приняли единогласно²⁹. 24 октября Чичерин уведомил польское правительство о ратификации, закончив телеграмму так: «Советская Россия приветствует установление мира и добрососедских отношений с Польшей»³⁰. 2 ноября состоялся обмен ратификационными документами в Либаве, и прелиминарный мирный договор вступил в силу. На этом работа над принятием сторонами конфликта прелиминарных условий мира между Польшей, РСФСР и УССР закончилась. Таким образом, процедура введения договора в действие соблюдалась сторонами без каких-либо отступлений.

Однако, помимо политической, процесс имел ещё и военную составляющую. Военные действия Войска польского с 18 октября полностью прекращались, а союзнические силы, не имея возможности открыто пользоваться его поддержкой, после 2 ноября оказывались перед выбором: либо войти в состав польской армии, либо вторгнуться на советскую территорию через нейтральную зону к югу от Несвижа и самостоятельно продолжить войну с РККА, либо разоружиться и подвергнуться интернированию в Польше. Первая возможность всерьёз не рассматривалась, поскольку предстояло не увеличение, а сокращение Войска до штатов мирного времени. Оставались вторая и третья возможности, причём третья вряд ли могла бы предшествовать второй, и во многом потому, что этого не хотел Пилсудский³¹. Несмотря на то что летом его формально лишили руководства «восточной» политикой, никто не ограничивал его полномочий Верховного главнокомандующего – прежде всего в вопросах помощи вчерашним союзникам, надеявшимся достичь своих политических целей, а взамен обещавшим проводить дружественный Польше курс.

В Варшаве в начале июня Б.В. Савинков организовал Русский политический комитет (РПК), который взял на себя функции будущего российского правительства. Его основной задачей стало формирование отрядов для совместных с польскими войсками боевых действий против РККА³². Их объединили в 3-ю русскую армию, состоявшую из трёх дивизий: двух пехотных и кавалерийской. Командовать ею поручили Пермикину. В начале ноября её численность достигла 10 тыс. человек. Кроме того, в подчинении у РПК находилась Народная добровольческая армия, сформированная на базе отряда Булак-Балаховича и действовавшая на территории Белоруссии. В начале ноября она насчитывала примерно 15 тыс. человек. Помимо них, в Польше находились казацки формирования, не подчинявшиеся РПК, а также армия Украинской народной республики под командованием Петлюры (более 40 тыс.³³).

После обмена ратификационными грамотами эти войска формально теряли покровительство Второй Речи Посполитой. Ещё 21 октября Верховное коман-

²⁹ Там же. С. 107–108, 110.

³⁰ *Dąbski J.* Op. cit. S. 126.

³¹ Савинков на судебном процессе в 1924 г. показал: «После заключения перемирия Пилсудский призвал меня и сказал: “Дайте в 24 часа ответ, будете ли вы воевать?”» (Дело Бориса Савинкова. Со статьёй Б. Савинкова «Почему я признал Советскую власть». М., [1925]. С. 63).

³² Подробнее о РПК и других антисоветских организациях в Польше см.: *Симонова Т.М.* Советская Россия и Польша. Русские антисоветские формирования в Польше (1920–1925). М., 2011.

³³ *Матвеев Г.Ф., Матвеева В.С.* Польский плен. Военнослужащие Красной армии в плену у поляков в 1919–1921 годах. М., 2011. С. 122–128.

дование предложило им в двухнедельный срок покинуть территорию Польши, но разоружать их не стало. Поощряемые польскими военными³⁴ и французами³⁵, они выбрали продолжение войны³⁶. Естественно, не оборонительной, а наступательной. Разрыва перемирия поляки не хотели, поэтому явной поддержки вчерашним союзникам оказывать не собирались. Пермикин писал об этом так: «Розвадовский, как и все влиятельные поляки, мне говорил... что даже если бы у Врангеля были на фронте успехи и наше правительство затянуло бы переговоры с большевиками, то не делайте себе никаких иллюзий, что Польская армия пойдёт в Россию. Всё, что Польша могла бы сделать, если у Врангеля будет большой успех на фронте, это не заключать быстрого мира с большевиками. Польские армии останутся на своих границах и этим оттянут часть большевистских сил»³⁷.

Принимая во внимание совокупную силу антисоветских русских и украинских формирований (не более 75 тыс. штыков и сабель³⁸), не очень высокий боевой дух их рядового и офицерского состава, да и тот факт, что наступление должно было происходить поздней осенью (как уже отмечалось, необычайно холодной в тот год), польские военные и французы вряд ли верили в успех мероприятия. Именно это можно рассматривать как одну из причин того, что польские военные не остановили Балаховича, когда он отказался наступать на Украине, а решил двинуться в Белоруссию. Очевидно, что такое решение ослабляло силу удара на Украине, где в это время приближалась к кульминации битва за Крым. Но при отсутствии веры в успех Балаховича, Петлюры и Пермикина не имело смысла отговаривать Балаховича от его плана. Этим же можно объяснить и то, почему 3-ю армию поляки расположили не на правом, а на левом фланге армии УНР, нацеливавшейся на Киев, а не на Крым³⁹. Единственной пользой от этой авантюры могли стать сложности для РККА в борьбе с Врангелем⁴⁰.

³⁴ Так, Пермикин согласовывал с Пилсудским маршрут и материальное обеспечение 3-й русской армии во время её похода на соединение с Врангелем. По его же словам, он «часто посещал начальника польского Генерального штаба генерала Розвадовского... и он сделал всё возможное, чтобы ускорить наше вооружение» (*Пермикин Б.С. Генерал, рождённый войной. Из записок 1912–1959 гг. М., 2011. С. 85–86*).

³⁵ При штабе 3-й армии действовала французская военная миссия в составе 10 человек, возглавляемая генералом Троньо (*Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 83*).

³⁶ Дело Бориса Савинкова... С. 63.

³⁷ *Пермикин Б.С. Указ. соч. С. 86*.

³⁸ Савинков назвал даже меньшую цифру — 50–60 тыс. человек, заметив при этом, что «в общей сложности получилась довольно большая армия для гражданской войны. Если бы она была единой, то представила бы собой некоторую силу. Но эти имели несколько командований: украинцы — одно, есаул Яковлев — другое, Перемыкин — третье, Балахович — четвёртое. По настоянию Перемыкина, т.е., в сущности, по настоянию Врангеля (как это ни странно, — склонен думать, что за кулисами были иностранцы), я вынужден был заключить конвенцию с Петлюрой, согласно которой он допускал за свой левый фланг армию Перемыкина. Что же было дальше? Перемыкин стал на этот участок, слева от него расположился казачий есаул Яковлев, но раньше, чем пойти в бой, они передрались между собой» (Дело Бориса Савинкова... С. 65).

³⁹ Согласно приказу Врангеля о создании 3-й русской армии, ей поручалось идти на «соединение с войсками Крыма» (ДМИСПО. Т. III. С. 422).

⁴⁰ Савинков так характеризовал заинтересованность Польши и Франции во вторжении антисоветских формирований в Белоруссию и на Украину: «Зачем поляки разрешили нам идти в бой, какую цель они преследовали? Почему они всё время оказывали на нас давление, тайное, неофициальное?.. Иди, иди, давление двоякое, — польское, с одной стороны, и французское — с другой. Какую цель они преследовали? Да ту же, какую преследуют все иностранцы: пусть русские дерутся

При этом польским военным и лично Пилсудскому она позволяла с достоинством (по крайней мере внешним) выйти из щекотливой ситуации со вчерашними союзниками. Прелиминарный договор давал формальную возможность сохранить лицо: не разоружать вчерашних союзников, а хорошо их вооружить и неявно посодействовать их борьбе с красными. По свидетельству Пермикина, Пилсудский во время встречи с ним «для того, чтобы я мог быстрее получить всё необходимое для похода... дал мне целый ряд фамилий и характеристик офицеров, к которым надо обращаться. Это были не начальники всевозможных отделов, а его капитаны»⁴¹, т.е., скорее всего, бывшие легионеры, для которых слово маршала являлось законом. А изданная после 12 октября инструкция начальника Генерального штаба польским делегациям в Барановичах и Бердичеве, наблюдавшим за введением в действие договора о прекращении огня, обязывала их под разными предлогами ограничить численность советских представителей при польских войсках и территорию, которую они могли посещать (даже ценой отказа от собственных подобного рода требований). Причём особенно на южном участке фронта, т.е. южнее Несвижа, поскольку там «речь идёт прежде всего о том, чтобы не допустить противника в районы концентрации войск ген[ерала] Балаховича, русских и украинских»⁴².

Чтобы обезопасить Польшу от обвинений в нарушении договора о перемирии, а заодно и однозначно предупредить вчерашних «товарищей по оружию», что они могут вернуться в Польшу только на правах военнопленных, давний соратник Пилсудского военный министр генерал К. Соснковский издал 21 октября приказ, согласно которому «военные подразделения и лица, пересекающие восточную границу государства или линию прекращения огня и переходящие на польскую сторону, будут считаться военнопленными в соответствии со ст. 10 договора о перемирии»⁴³. Таким образом уцелевшие в боях и решившие вернуться в Польшу переставали считаться союзниками, разоружались и заключались в лагеря⁴⁴.

Реальной услугой поляков армиям Петлюры и Пермикина стала затяжка с отводом их войск из отходящих к УССР районов Волыни. Формальными поводами для этого они называли отсутствие в договоре точных сроков отвода войск, эпизоотию, а также «сахарный» вопрос. Его суть заключалась в том, что польская сторона весной и летом 1920 г. затратила средства на посев и выращивание сахарной свёклы и хотела дожидаться её уборки и переработки на сахар, чтобы затем вывезти в Польшу. Сезон сахароварения обычно начинается в сентябре и продолжается порой до Рождества⁴⁵. Размещённые под этими предлогами на юге и юго-востоке Волыни польские войска, сами не участвуя

между собой. Чем больше гражданской войны, тем для нас, иностранцев, лучше: Россия будет слабее, России труднее будет стать на ноги» (Дело Бориса Савинкова... С. 66).

⁴¹ Пермикин Б. С. Указ. соч. С. 85.

⁴² Dokumenty do stosunków polsko-sowieckich 1918–1945 (далее – DSPS). Т. I. 1918–1926. Cz. 1. Polska między Rosją «Białą» a «czerwoną» (listopad 1918 – marzec 1921). Warszawa, 2021. S. 544.

⁴³ DSPS. Т. I. Cz. 1. S. 552–553.

⁴⁴ По словам Савинкова, «произошло то, что я втайне предвидел: поляки нас обманули. Поляки обещали нам, что они не интернируют, а подтверждают наших солдат, а это – разница большая. Но, конечно, когда дошло до дела, наши солдаты были просто интернированы в лагеря» (Дело Бориса Савинкова... С. 65). Из свидетельства Савинкова следует, что он даже не знал о приказе Соснковского.

⁴⁵ Домбский на совещании с Иоффе 13 ноября датировал завершение вывоза сахара 1–15 декабря (DSPS. Т. I. Cz. 1. S. 574).

в боях, прикрывали левый фланг пермикинцев и петлюровцев. Из-за этого РККА, опасаясь обвинений в срыве перемирия, не могла провести операцию по их окружению⁴⁶.

Но «военная партия» в Польше не ограничивалась использованием лишь этих объективных поводов. Верховное командование разделяло мысль о том, что при благоприятном для Врангеля и восточных союзников развитии событий не исключено присоединение к ним «добровольцев» из числа польских военнослужащих. Об этом Пермикину сказал начальник Генерального штаба: «Я говорил Розвадовскому о малочисленности моих формирований и слабости Украинской армии. Розвадовский указал на возможность (опять-таки, если у Врангеля будет успех, и заключение мира с большевиками затянется, и переговоры о государственной границе [будут успешны]) дать мне польских добровольцев. В этом случае польские добровольцы сохранили бы свою внутреннюю организацию, сняв знаки отличия, и были бы подчинены мне. [И] что их число будет значительно больше, чем все мои формирования вместе с украинцами»⁴⁷.

О том, что Розвадовский, говоря о «добровольцах», не просто успокаивал Пермикина, а приоткрывал завесу над планами и действиями по созданию таких формирований, свидетельствует история создававшегося осенью по приказу Пилсудского польско-украинского добровольческого отряда. Инициатива исходила от польских военных – выходцев с территорий, оставшихся в составе УССР. Они не согласились с решением политиков продолжить переговоры на пике успехов польской армии и хотели вести войну до победы⁴⁸. Реализовать эту инициативу взялся В. Славек, один из наиболее близких к Пилсудскому со времени революции 1905–1907 гг. людей, его доверенное лицо в отношениях с Петлюрой. Именно ему Пилсудский поручил подписать польско-украинскую военную конвенцию от 24 апреля (летом Совет обороны государства признал её ничтожной как не прошедшую процедуру ратификации сеймом), а также командование польскими этапными войсками на Украине.

Первые шаги по созданию отряда были сделаны уже до 20 сентября, когда стало ясно, что в политических кругах Польши возобладало мнение о необходимости завершения военных действий против советских республик и скорейшего заключения мира. В конце сентября Славек ознакомил с проектом Пилсудского и Розвадовского, которые формально согласия не дали, но в действительности одобрили и в дальнейшем облегчили его исполнение⁴⁹. Столь высокое покровительство упростило взаимодействие с различными инстанциями, от которых зависел успех проекта, в том числе с V и II отделами главного командования. Славек добивался, чтобы военный министр Соснковский провёл через Совет министров постановление о скорейшей демобилизации офицеров, родившихся на территориях, которые остались в составе УССР, чтобы

⁴⁶ ДМИСПО. Т. III. С. 472–473, 475.

⁴⁷ Пермикин Б. С. Указ. соч. С. 86. Из слов Розвадовского видно, что закавычивание нами слова «добровольцы» не случайно.

⁴⁸ Матвеев Г. Ф. Последняя попытка польско-украинского военного взаимодействия в 1920 г. // Версаль и новая Восточная Европа. М., 1996. С. 64–80.

⁴⁹ О том, что отряд имел очень высоких покровителей, свидетельствует то, что 10 ноября Соснковский запретил вербовку поляков в иностранные войска, особенно воюющие на территории РСФСР и УССР, поскольку это противоречит положениям прелиминарного мира. А в 6-й армии, в расположении которой отряд дислоцировался, аналогичный приказ издали только 5 января 1921 г. (РГВА, ф. 471к, оп. 1, д. 31/ч. 1, л. 210, 212).

те могли вступить в отряд. 25 октября он писал начальнику II отдела генштаба Б. Медзильскому: «Вопрос срочный, потому что если я смогу сформировать до 2.XI хоть какой-нибудь отряд, то... приму участие в боях украинцев с большевиками»⁵⁰.

В сентябре с проектом ознакомили Петлюру. Сначала тот не занял определённой позиции, но уже в ноябре выразил пожелание придать проекту официальный характер. Однако это не устраивало польскую сторону, особенно после обмена ратификационными грамотами. 7 ноября Славек писал секретарю Пилсудского К. Съвительскому, что не хотел бы переход отряда на украинскую службу «сопровождать политическими демонстрациями и дипломатическими церемониями. По мере организации отдельных подразделений высылать их на фронт и в пути перекрашивать»⁵¹. Деятельность на украинском поле облегчалась для него тем, что он был назначен ответственным за разоружение армии Петлюры.

Хотя все ознакомленные с проектом лица и учреждения старались хранить его в тайне, 10 ноября «Газета Варшавская» сообщила о заседании военной комиссии сейма. На нём депутат от Народно-национального союза К. Лютославский рассказал о состоявшемся неделей раньше собрании в Варшаве, на котором Славек изложил программу захвата Киева (неофициально, отрядом из добровольцев — «поляков украинского происхождения» численностью до 20 тыс.) и сказал, что такой отряд формируется им в Кременце. На заседании комиссии присутствовал генерал Т. Розвадовский, который заверил, что армия не имеет к этому делу никакого отношения. Он признал, что накануне отъезда польской мирной делегации в Ригу Славек действительно представлял ему подобный проект, но на тот момент в этом не было ничего предосудительного. Сейчас ситуация иная, поэтому начальник штаба обещал изучить вопрос и доложить о результатах расследования на следующем заседании комиссии. На предложение депутата от НДП А. Скарбека провести расследование в два дня Розвадовский ответил, что не обязан знать, чем, кроме своих служебных обязанностей, занимается Славек. На это отреагировал ещё один национал-демократ — Я. Залуска: «Но мы проинформированы, что подполковник Славек — высокопоставленная персона в определённых сферах, — близок к принимающим решения, поэтому начальник штаба может даже за несколько часов узнать, где находится Славек и что собирается делать; если делает скрытно, то это военная измена, за которую он должен быть соответствующим образом наказан»⁵². Реплика почти прямо указывала, что за спиной офицера стоит Пилсудский.

Спустя три дня в популярной краковской газете «Иллюстрированы курьер цодзенны» появилась заметка «Доносчики», которую можно рассматривать как желание «пилсудчиков» предотвратить обвинение Польши в нарушении прелиминариев. Изложив выступления Лютославского и Розвадовского, анонимный автор заметил, что информация генерала не удовлетворила эндеков, «которые готовят новую бурю и новый политический скандал». Заметка заканчивалась так: «Если бы подобное действие могло хотя бы в отдалённой перспективе принести какую-либо пользу Отчизне, то оно могло бы быть частично обо-

⁵⁰ Там же, л. 74.

⁵¹ Там же, л. 86.

⁵² Gazeta Warszawska. 1920. 10 listopada.

снованным. Но оно приносит только вред, потому что ставит Польшу перед политическими трудностями в связи с необходимостью опровержения лжи, стремится поссорить государство с соседями и представляет Польшу в роли мошенника»⁵³.

Единственным последствием разглашения формирования польско-украинского отряда можно считать лишь дальнейшее засекречивание акции. Сам отряд, на конец ноября состоявший из двух батальонов пехоты (524 человека), двух эскадронов кавалерии (225 человек) и одной конной артиллерийской батареи (58 человек), просуществовал до начала 1921 г. На первый взгляд не понятно, с какой целью его сохраняли, если так и не использовали в военных действиях. Ответ в какой-то степени даёт письмо Славека от 30 ноября, когда он получил предложение имитировать непослушание командованию 6-й армии и идти в Срединную Литву. В нём он спрашивал Съвитальского: «В ожидании срыва мирных переговоров держаться ли украинских интересов в качестве какого-то неестественного привеска к 8-й дивизии пехоты, или же идти служить к Желиговскому?»⁵⁴.

Таким образом, если польские политики в точности и в установленные сроки провели ратификацию договора о перемирии с советскими республиками, то польские военные, используя отсутствие в соглашении однозначного определения даты начала отвода войск, фактически его торпедировали. Пилсудский же доказал, что ему принадлежит веское слово в определении «восточной» политики.

Двойственная политика польского руководства спровоцировала кризис в момент возобновления переговоров об окончательном тексте мирного трактата. Делегации договорились вернуться в Ригу сразу же после 2 ноября⁵⁵. 26 октября Иоффе напомнил своему польскому партнёру Я. Домбскому об условленных сроках. Он известил его телеграммой, что остаётся на посту и в соответствии с «нашим совместным решением» намеревается приехать в Ригу в начале ноября, а также попросил сообщить дату возвращения польской делегации⁵⁶. В ответ ему сообщили, что она прибудет в Ригу 6 ноября⁵⁷.

Иоффе приехал 3 ноября, Домбский — только 13-го. Вполне закономерен вопрос о причине его недельной задержки. Ведь в первом туре рижских переговоров в сентябре—октябре он зарекомендовал себя скорее сторонником быстрого завершения конфликта и более умеренных территориальных претензий, нежели приверженцем «военной партии» и границ 1772 г. Сам Домбский в воспоминаниях о конференции обошёл этот эпизод вниманием. Объяснение содержится в письме Иоффе в Москву, датированном 10 ноября: «По польским сообщениям [Домбский] выехал 3-го, но застрял в Данциге, ибо что-то приключилось с пароходом, на котором должен был ехать. Вернее всего, однако, что он застрял в Данциге для каких-либо вопросов по Данцигскому вопросу»⁵⁸. То есть дипломат воспроизвёл польскую версию причин несоблюдения его коллегой договорённости.

⁵³ Denuncjatorzy // Ilustrowany Kurjer Codzienny. 1920. 13 listopada.

⁵⁴ РГВА, ф. 471к, оп. 1, д. 31/ч. 1, л. 90 об.

⁵⁵ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 537.

⁵⁶ Ibid. S. 557—558.

⁵⁷ Ibid. S. 573.

⁵⁸ РГАСПИ, ф. 159, оп. 2, д. 39, л. 143.

Такое объяснение весьма правдоподобно, так как пароходы из Данцига в Либаву осенью того года ходили раз в неделю⁵⁹. Кроме того, как раз в это время шли переговоры о статусе Данцига как вольного города (они завершились 15 ноября). Но в каком качестве в них мог участвовать Домбский? Он с августа занимался переговорами с советскими республиками, а работа над конвенцией об отношениях между Данцигом и Польшей велась в Париже и завершилась 9 ноября 1920 г. Следовательно Домбский вряд ли знал эту проблему в такой степени, чтобы обсуждать с кем-либо её аспекты.

Если же опоздание произошло не по объективным причинам, то вполне допустимо и иное объяснение задержки. Выше уже говорилось, что польское военное командование как раз в промежутке между 2 и 9 ноября решало две взаимосвязанные задачи: создавало благоприятные условия для вторжения своих восточных союзников на советскую территорию, но при этом старалось во что бы то ни стало не довести дело до возобновления войны. Советской стороне не составило особого труда раскусить этот замысел. С 26 октября заместитель руководителя делегации РСФСР Л.Л. Оболенский направлял Домбскому ноты протеста, в которых поддержка действий Петлюры, Савинкова и Балаховича трактовалась как нарушение условий перемирия, подрыв значения заключённых договоров, свидетельство отсутствия искреннего стремления к миру. Более того, поляков прямо предупреждали о возможном затруднении дальнейших переговоров⁶⁰.

Поэтому до тех пор, пока «военная партия» в Польше не умерила свой пыл, Домбскому как человеку, умеющему держать слово⁶¹, проще было не приезжать в Ригу, нежели изворачиваться, отвечая на высказываемые лично претензии партнёров по переговорам. 9–10 ноября Красная армия ворвалась в Крым, и дальнейшая поддержка Польшей антисоветских формирований утратила смысл. Чуда не произошло, предстояло возобновлять конференцию, которая на тот момент осталась единственной площадкой для официальных контактов сторон и решения непрерывно возникавших вопросов.

Конечно, это только предположения, но в их пользу свидетельствует поведение Домбского на первом после возвращения в Ригу совещании с Иоффе. Оно началось 13 ноября в 17:15 с вопроса о невыполнении Польшей § 6 договора о перемирии. Иоффе заявил, что Польша «создала то рискованное, серьёзное и крайне тяжёлое положение на фронте, которое может повести к возобновлению военных действий. Если это соответствует желанию Польши, то тогда лучше поступить открыто, согласно пункта договора, касающегося взаимного предупреждения за 14 суток о возобновлении войны». Домбскому пришлось извиняющимся тоном просить партнёра «верить его категорическому утверждению, что польское правительство и польская делегация преисполнены самых искренних намерений в отношении осуществления мира с Россией». Его заверения и объяснения не произвели особого впечатления, как и слова

⁵⁹ *Obieziński M.* Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarjów pokojowych (wrzesień–paźdz. 1920 r.). Warszawa, 1938. S. 8.

⁶⁰ См., например: ДМИСПО. Т. III. С. 465–468; Советско-польские отношения в 1918–1945 гг. Т. I. С. 253; DSPS. T. I. Cz. 1. S. 572–573.

⁶¹ Он это доказал в октябре 1921 г. при заключении соглашения Домбского–Карахана (подробнее см.: *Матвеев Г.Ф.* «Деньги в обмен на высылку». Из истории советско-польского дипломатического конфликта в 1921 г. // Славянство, растворённое в крови... В честь 80-летия со дня рождения Владимира Константиновича Волкова (1930–2005). М., 2010. С. 198–216).

участвовавших в совещании Василевского и военного эксперта делегации подполковника И. Матушевского (они оба входили в окружение Пилсудского)⁶².

Интересна оценка совещания в телеграмме последнего в Верховное командование: «Заседание не привело к результату, но было много моментов, когда Иоффе ставил вопрос почти в ультимативной форме; но самого ультиматума не последовало, из чего я ещё раз делаю вывод, что пока что большевики срывать переговоры не собираются»⁶³. Очевидно, что эти слова — не что иное, как признание: именно польская сторона практически завела двусторонние отношения в тупик. Об этом без обиняков заявил и Иоффе в самом конце совещания: «Положение вещей не таково, чтобы предаваться спокойному обсуждению. Может случиться так, что ружья и пушки начнут стрелять сами. Всякое толкование § 6 иначе как требование немедленного по ратификации отвода войск — это нарушение договора... Отвод должен начаться немедленно, например, 14 ноября в 12 часов дня, и всякое предположение, что это дело месяцев и недель, для российско-украинской делегации совершенно неприемлемо, в этом случае договор будет неисполненным, и тогда придётся констатировать, что подписанный и ратифицированный обеими сторонами договор Польшей не соблюден»⁶⁴. Польскую делегацию буквально загнали в угол. Домбский сразу же после окончания совещания написал Сапеге, что Иоффе «прямо заявил, что может идти на уступки, но предпочитает открытую войну с Польшей, чем войну под псевдонимом Петлюры... Нужно считаться с необходимостью отвода наших войск на линию границы [в срок] до 5 дней. Нервное и недоверчивое настроение обещает трудности в переговорах»⁶⁵.

Чтобы не накалять дискуссию, дипломат, сославшись на усталость после дороги, попросил прервать совещание до следующего дня. На самом же деле польская делегация взяла перерыв, чтобы лучше подготовиться к следующей встрече, ожидая, видимо, что Иоффе продолжит обвинительную линию⁶⁶. Но советская сторона нуждалась в мире, а не в убеждении партнёров, что это именно они виноваты в нарушении договора. Ведь ещё 19 августа она определила для себя главного противника: Врангеля⁶⁷, а не Польшу. Иоффе не стал акцентировать вопрос о помощи Петлюре и Балаховичу и без особой дискуссии согласился с предложенной поляками формулой: «Отход польских войск на польскую государственную территорию там, где это ещё не исполнено, произойдёт немедленно и в согласии с § 6 договора о перемирии. Ввиду необходимости издать соответствующие приказы слово “немедленно” следует понимать в том смысле, что начало отвода войск произойдёт немедленно после получения приказов, не позже, однако, чем 19 ноября 1920 г. в 24 часа по средне-европейскому времени»⁶⁸.

Чем объясняется столь резкая смена поведения по сравнению с первым днём совещания, когда Иоффе буквально загонял Домбского в угол? Ответ дал он сам в докладе Чичерину, В.И. Ленину, Л.Д. Троцкому и Н.Н. Крестинскому от 19 ноября: «Два дня совещания... с решительностью подтвердили правиль-

⁶² Советскую запись совещания см.: ДМИСПО. Т. III. С. 469–475.

⁶³ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 575.

⁶⁴ ДМИСПО. Т. III. С. 474.

⁶⁵ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 573.

⁶⁶ Ibid. S. 576.

⁶⁷ РГАСПИ, ф. 17, оп. 3, д. 103.

⁶⁸ ДМИСПО. Т. III. С. 475.

ность основного моего предположения, что поляки боятся и не хотят войны с нами... Поляки уступили, как только вопрос был поставлен ребром, и они убедились, что перегнули палку. Я более чем когда-либо убеждён, что они воевать не могут... Но это, конечно, вовсе не даёт нам права требовать всего, чего мы хотим, или отказываться от обязательств... Помимо этого главного и основного урока имевших место совещаний... они показали, что обход § 6 перемирия (об отводе войск) был не случайным и что действительно с польской стороны имела попытка поддержать Балаховича и К° и главным образом Петлюру, и что, наконец, на этом объединились и военное командование, и правительство... Если можно провести аналогии, то... подобно тому, как прелиминарный договор выдавал нам Врангеля, подобно этому подписанный здесь 14 ноября протокол выдаёт нам Балаховича, Савинкова, Петлюру, Перемыкина и др.»⁶⁹.

Казалось бы, Иоффе, в главном правильно оценив причины нарушения договорённостей о сроках возобновления переговоров, сумел без особых усилий решить важную для советского руководства проблему: заставить поляков не только отвести войска на условленную линию границы, но и забрать с собой восточных союзников, открыв тем самым путь к возобновлению мирных переговоров. Сразу же после совещания, 13–14 ноября, согласовали технические аспекты конференции, а 17 ноября состоялось её первое пленарное заседание.

Однако вскоре переговорный процесс вновь застыл в связи с тем, что польская сторона так и не приступила к отводу войск. Как и во время переговоров в сентябре–октябре, дало о себе знать отсутствие единства в польских правительственных кругах, а именно желание «военной партии» затянуть переговоры и сорвать уже достигнутые договорённости. Например, председатель польской части минской военно-согласительной комиссии полковник Ю. Рыбак всячески саботировал постановления протокола от 14 ноября. Ссылаясь на необходимость борьбы с эпидемиями и эпизоотиями, он попытался сдвинуть начало отвода войск на более поздний срок. Он также выдвинул требование «об удержании тридцативёрстной полосы между Российской-Украинскими армиями, с одной стороны, и Польскими армиями — с другой»⁷⁰. Советская сторона усмотрела в этом попытку дать возможность войскам Балаховича и Петлюры соединиться при отходе поляков, на что, конечно, согласиться не могла. Более того, протестуя против требования немедленного отвода войск, Рыбак поднял вопрос о роспуске комиссии ввиду острых разногласий. Это противоречило § 8 договора о перемирии, который не предоставлял военно-согласительной комиссии права на самоупразднение.

Ситуацию обострило то, что председатель делегации РСФСР в военно-согласительной комиссии К.И. Шутко поддержал требование поляков об отсрочке отвода войск в районе распространения эпидемии. Хотя Реввоенсовет сразу же его дезавуировал за неисполнение директив правительства, «зло уже сделано», как написал Чичерин в телеграмме Иоффе 18 ноября⁷¹. Договорённость оказывалась на грани срыва.

В таких условиях советская делегация прибегла к крайним мерам. 20 ноября Иоффе направил Домбскому ноту о том, что до получения сведений о выполнении Польшей протокола от 14 ноября он «не считает возможным ка-

⁶⁹ АВП РФ, ф. 04, оп. 32, п. 205, д. 34, л. 63–65.

⁷⁰ Документы внешней политики СССР. Т. 3. М., 1959. С. 333.

⁷¹ РГАСПИ, ф. 5, оп. 1, д. 2000, л. 22.

кие бы то ни было дальнейшие работы Мирной конференции»⁷². Известие об этом вызвало большое возмущение и беспокойство как во властных кругах, так и в польском обществе в целом. Домбский считал, что подобное решение советской стороны ошибочно и подорвало веру в скорейшее достижение мира, породив впечатление, что Россия пытается сорвать переговоры⁷³. Тем не менее данный ход возымел нужное воздействие. 21 ноября Домбский направил две телеграммы в Варшаву: одну — в МИД⁷⁴, вторую — непосредственно Витосу. Передавая содержание ноты Иоффе, он просил «оказать всё возможное влияние в направлении чёткого и пунктуального соблюдения договора о разоружении в целом, если мы не хотим войны»⁷⁵.

На следующий день премьер, выступая в сейме, категорически отверг все обвинения в несоблюдении договора о перемирии и переложил ответственность за приостановку переговоров на советскую сторону. Он назвал протесты советской делегации необоснованными и имеющими цель либо отсрочить достижение мира, либо использовать мирную конференцию как поле для агитационной деятельности. Витос подчеркнул намерение правительства «в точности выполнять условия прелиминарного мира» и стремиться к ведению мирных переговоров «ускоренным темпом»⁷⁶. Когда из Риги поступило сообщение о возобновлении переговоров (Иоффе ещё 21 ноября направил ноту о такой возможности⁷⁷), Витос сообщил об этом с трибуны сейма, что вызвало дружные аплодисменты депутатов. Однако в тот же день вице-премьер И. Дашиньский заявил, что «позиция начальника Генерального штаба не согласуется с позицией нынешнего кабинета, считающего, что толкание Польши на продолжение войны было бы преступлением перед народом»⁷⁸. Фактически он признал вину военных кругов в новом кризисе в переговорном процессе.

22 ноября 1920 г. работа мирной конференции официально возобновилась, а комиссии вновь приступили к переговорам. В связи с этим именно эту дату следует считать рубежом процесса введения в действие советско-польского договора о перемирии.

⁷² Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 333–334.

⁷³ *Dąbski J.* Op. cit. S. 140.

⁷⁴ DSPS. T. I. Cz. 1. S. 588–589.

⁷⁵ ДМИСПО. Т. III. М., 1965. С. 484.

⁷⁶ Sprawozdanie stenograficzne ze 188 posiedzenia Sejmu Ustawodawczego z dnia 23 listopada 1920 roku. Ł. 5.

⁷⁷ Документы внешней политики СССР. Т. 3. С. 337.

⁷⁸ *Ольшанский П. Н.* Указ. соч. С. 171.